

Пролог

Бежать! Бежать прочь из демоновой школы! Бежать куда глаза глядят, как можно быстрее!

Я неслась по лесу, перепрыгивая через кочки и пеньки, не разбирая дороги. Просто ломилась сквозь чащу вперед, оставляя позади проклятый замок и проклятых магов в нем! В голове пульсировала навязчивая мысль: «Только бы уйти до рассвета!»

Они не станут меня искать, если я уйду за пределы территории Школы темных. Или станут? У Даркхолда извращенное понимание гордости. Если он решит, что мой побег — личное оскорбление, то будет искать меня везде, перероет весь Штормхолд!

Но лучше вечно прятаться, чем продолжать играть в его игры. Проклятая скотина!

В один момент я вдруг поняла, что больше не могу. Что если немедленно не отдышусь, то просто умру от нехватки воздуха. Пришлось опереться на ствол дерева, чтобы не упасть. Сердце колотилось так сильно, что на секунду показалось, будто сейчас остановится. Закаш-

лявшись, я согнулась пополам и лишь через несколько минут вернула себе способность нормально дышать.

Вдали еще виднелась школа. Сейчас ночь скрывала сказочный замок, что поразил меня в первый день. Сердце элиты Штормхолда, самая дорогая и лучшая школа магии, царство дорогих вечеринок, крылогонок и магических дуэлей. Даже не верилось, что мне посчастливилось здесь учиться. Школа темных — заведение, где не место девушкам без рода, связей и денег.

Это замок, который темный принц избрал своим местом для жестоких игр.

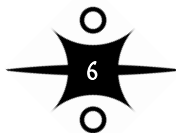
Надо идти дальше. Я еще недостаточно далеко ушла, они найдут меня, едва рассветет! Надо бежать, а отдыхать я смогу потом, когда окажусь вдали от школы, вдали от этих моральных уродов.

Превозмогая мольбы тела, которое, казалось, больше не выдерживало напряжения, я снова двинулась вперед, спотыкаясь и поскользываясь. Мне казалось, я иду очень быстро, но на самом деле я преодолела едва ли треть необходимого пути.

Ужасно хотелось есть. С собой была фляга с водой, но воду я берегла: неизвестно, когда попадетсся ручей или колодец, неизвестно, что произойдет с рассветом. Вдруг мне придется прятаться несколько дней, прежде чем принц и его компания обыщут лес?

Когда сзади раздался шорох, я вздрогнула и сорвалась с места. Это могли быть лесной зверек или ночная птица, но страх снова гнал меня вперед, прочь от места, где испугали и причинили боль.

Лес кончился неожиданно, словно расступился, выплунув меня на огромную поляну. В другом ее конце горная тропинка вела напрямиком к деревне, и я сквозь

слезы рассмеялась: свобода! Еще немного, еще чуть-чуть! В деревне кто-нибудь поможет!

— Куда-то собралась? — раздался холодный голос, источника которого я не видела.

Но голос сразу узнала.

Мне не удалось сдержать испуганного всхлипа.

А потом над лесом в воздух поднялся десяток крылатых фигур.

Луна скрывала их черты, открывая взору лишь силуэты, но даже по теням я поняла, кто был центральным крылатым. При первой встрече я подумала, что этот парень — самый красивый и самый сильный маг из всех, что я видела. Что темный принц Даркхолд никогда не посмотрит в мою сторону, просто потому что для него не существует невзрачных сироток без дара и таланта.

Но я жестоко ошиблась.

— Я не разрешал тебе покидать школу, Коралина.

Фигуры опустились на землю. В руках у них сверкнули серебряные цепи.

Каждой клеточкой тела я чувствовала торжествующий взгляд Даркхолда, вновь победившего в им же придуманной и созданной игре.

Вот такой он, принц с сердцем из тьмы и тумана.

С перепончатыми крыльями демона. И кровавой лунной за спиной.

Глава 1

«Уважаемая Коралина Рейн,

К нашему огромному сожалению, Высшая Школа Бури не сможет принять вас в число адептов ввиду несоответствия минимальным магическим критериям. Желаем вам успехов и магического роста.

С наилучшими пожеланиями,

Деллин ди Файр, директор».

Я всматривалась в размашистые, но идеально ровные буквы и разрывалась от двух желаний: выбросить письмо, разрушившее мою надежду на будущее, или сохранить, ведь это же ответ от Школы Бури! С пожеланиями магического роста... что можно расценить и как талисман на будущее, и как издевку.

— Я же говорила, — вздохнула я и все же убрала письмо в поясную сумку, — если конверт тонкий — там отказ. Когда тебя берут, они присылают кучу документов: договор, учебную программу, устав, список учебников и так далее. Вот и все, больше никаких шансов.

Это была последняя школа, в которую я подавала документы. В Штормхолде ты можешь учиться или в одной из школ стихийной магии, если есть особый дар, или в Школе Светлых — если магия слабенькая и скучная, или в Школе Бури — если сильная и взрывная. Есть еще Школа Фригхейма, но туда берут совсем безнадежных, тех, кому грозит смерть от собственной магии, что совсем не мой вариант.

Еще есть несколько частных колледжей, но туда я даже не посылала документы, у меня все равно нет денег, чтобы их оплатить.

Я не прошла инициацию, и школы стихий отказали мне сразу. Школа Светлых думала дольше всех, но тоже не рискнула связываться с таким счастьем, как я, и вот теперь пришел отказ из Школы Бури. Но здесь я согласна: глупо было надеяться, что у девушки, чей магический потенциал завис между «никакой» и «очень слабый», есть шанс на обучение в школе для самых сильных магов.

— Ты в порядке? — Диана, бессменная соседка по комнате, с сочувствием посмотрела на меня.

Мы прожили с ней больше десяти лет вместе, в крошечной комнатке сиротского приюта в Рейнгарде. И в какой-то мере считали себя сестрами: обеих подкинули на крыльцо приюта с разницей в полгода, обе носили фамилию Рейн — ту, что давали детям, которые никогда не знали родных и с первых дней воспитывались за счет городского бюджета.

Только Диана со дня на день должна была отправиться в Высшую Школу Воды в Штормхолде, а я, видимо, на улицу...

— И что будешь делать? — спросила подруга. — Может, все-таки поедем вместе? Что-нибудь придумаем, поговорим с директором.

— Зачем? — Я вздохнула. — У меня нет магической силы, вот и все. Это не сюрприз.

Все догадывались: и я, и Диана, и воспитатели. Никто не говорил вслух, все надеялись на инициацию: порой после нее случались чудеса и магия просыпалась. Впрочем, нельзя сказать, что я оказалась совершенной бездарностью, что-то все же откликнулось на призыв Совета Магов. Но так слабо, что мне даже не смогли порекомендовать подходящую школу.

— Вы можете подать документы в существующие, возможно... — председатель комиссии замялся. — Возможно, кто-то возьмет.

«Пожалееет», — слышалось в его голосе.

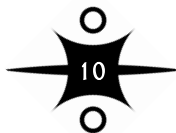
Ну да, если в школах магии был недобор, иногда брали и таких, как я.

— Эй, не расстраивайся, — сказала Диана. — Все могло быть хуже. Тебя могли отправить во Фригхеймскую школу.

Но что бы ни говорили про школу для нестабильных, там обучали контролировать силу, там у адептов была крыша над головой, еда. А у меня что? Через неделю я должна покинуть приют, и куда идти?

— Все будет нормально, — через силу улыбнулась я. — Найду работу, стану богатой и знаменитой, буду покупать кучу артефактов и крупниц и даже не замечу отсутствия магии.

Диана рассмеялась, но смех вышел грустный: мы обе знали, что заработать кучу денег без магии будет сложно. Надо быть или очень талантливой, или очень кра-

сивой. Петь я не умею, танцевать тоже, красота... не моя история. Нет, в какой-то мере я даже симпатичная, в наших краях вообще мало русских девчонок, но быть симпатичной явно недостаточно для того, чтобы добиться успеха при помощи внешности. Если мы не рассматриваем, конечно, вариант профессии, о которой никто не любит говорить.

А мы его не рассматриваем.

От крыльца почты нас оттеснила толпа девчонок. Сегодня в центре былолюдно, несмотря на мороз. Впрочем, денек выдался солнечный и почти безветренный, такая погода на севере не редкость, но только если вы не живете в Рейнгарде. Он не случайно так назван: над нами частенько сгущаются тучи и порой снег валит вперемешку с дождем, который тут же застывает, превращая город в огромную ледяную скульптуру.

В центре, на площади и прилегающих к ней пешеходных улицах яблоку негде было упасть, и вскоре выяснилась причина для ажиотажа. С переживаниями по поводу школ я совсем забыла о визите правящей четы. Они редко баловали Рейнгард приездами, неудивительно, что все вывалили посмотреть на нашу снежную королеву.

Мне тоже стало любопытно, и я подпрыгнула, чтобы увидеть хоть что-то за чужими спинами.

— Красивая, — задумчиво отозвалась Диана. — И правда снежная королева. Но мне она никогда не нравилась. Бесчувственная, холодная, как ледяная статуя.

— А мне нравилась. — Я с восхищением смотрела на королеву, которая с вежливой улыбкой махала поданным, встречавшим ее криками и аплодисментами. — Брига красивая. Только грустная.

— Странно, что у них с Агейром до сих пор нет детей. Тетя Адалин говорит, что Брина с каждым годом все холоднее и холоднее, потому что не способна подарить королю наследников.

— На месте тети Адалин я бы не сплетничала о королеве, особенно учитывая то, сколько пожертвований от ее имени получает приют.

Мне почему-то стало неприятно от слов Дианы. Может, потому, что я всегда смотрела на королеву Брину с восхищением и изрядной долей зависти, а может, потому, что в глубине души понимала: нечто подобное говорят и обо мне. Что у меня нет магии, что я закончу где-нибудь в придорожной таверне, в лучшем случае половойкой, и все такое. Злые языки не щадят чужие судьбы.

— Могли бы взять ребенка из приюта, — недовольно пробурчала Диана.

— Зачем делать наследником Фригхейма сироту? У короля Агейра наверняка есть достойные маги в роду.

— А я была бы не против, если бы трон перешел к брату королевы.

— К Бастиану ди Файру? — Я рассмеялась. — Нет уж!

— А что? Посмотри на нее! Она улыбается, а глаза пустые, как ледышки. Ни единой морщинки! Она вообще умеет испытывать эмоции? Он уж точно лучше этой мороженой рыбины. И вполне ничего.

— Во-первых, он женат. А во-вторых, слишком старый. И хватит истекать ядом, королева невероятная. Она и не обязана нас любить. Достаточно того, что она делает. Значение имеют только поступки.

Но я, конечно, пыталась казаться лучше, чем есть на самом деле. До сих пор, а мне не так давно стукнуло восемнадцать, я представляла, как никто иной, как королева Брина приходит в приют и объявляет себя моей давно потерянной матерью. Воображала страшные козни врагов, разлучившие нас с ней, и придумывала — это была самая приятная и в то же время постыдная часть, — как здорово будет жить в ее дворце, в сердце Фригхейма. Мне хотелось, чтобы во мне проснулась какая-нибудь уникальная сильная магия и однажды я непременно спасла мир. Или сделала что-то такое, чтобы на меня смотрели так же, как на Брину: с восхищением, не отрывая глаз.

Да, это несусветная глупость. Но тетя Адалин, наша воспитательница, любила рассказывать о маленьких сиротках, о том, как брошенные дети быстро учатся сами себя укачивать. И как тяжело новичкам смотреть на крох, которые обхватывают себя маленькими ручками и мерно раскачиваются, засыпая. Вот что я скажу: сироты растут, но не перестают себя убаюкивать. Просто с возрастом меняешь объятия на глупые мечты.

— Идем отсюда, я замерзла!

Диана и впрямь притоптывала от холода. Кажется, все деньги, полученные на выпускном, она спустила на модную короткую шубку, хотя все вокруг уговаривали ее приберечь подарок до приезда в школу. Крупицы ведь нужно на что-то покупать.

И мне будет нужно. Придется озаботиться поиском работы. План на случай провала с образованием был прост и не слишком-то надежен. Найду недорогую комнату, устроюсь на работу, подкоплю денег и попытаюсь

перебраться в Штормхолд. Там будет проще, хотя бы зимняя одежда и крупницы огня не будут отнимать кучу денег. Может, повезет доехать до столицы, говорят, там с работой получше.

Отказы из школ — не конец света, но уж точно не начало лучшей жизни. Может, однажды я и вспомню эту трагедию с юмором, но светлое будущее явно за горами.

Впереди уже показались витражные двери приюта, и Диана, окончательно замерзнув, припустила вперед. Когда я уже поставила ногу на покрытую льдом ступеньку, услышала позади себя женский голос:

— Коралина Рейн?

Обернувшись, я увидела женщину лет сорока. В роскошном черном пальто в пол, с шикарным меховым воротником. Ее черные крупные кудри рассыпались по плечам, и мерцающий серебром снег придавал ее облику сказочность и особый шик. Когда она приблизилась, я уловила тонкие и явно дорогие духи.

— Это я. Чем могу помочь?

— Мое имя — магистр Риана Браунвинг, я — заместитель директора Высшей Школы темных. Не уделите мне пару минут?

Мое сердце забилося чаще. Школа? Она сказала школа?! Я так разволновалась, что даже прослушала, о какой школе речь. Меж тем Риана бросила взгляд в сторону замершей от любопытства Дианы и добавила:

— Мне хотелось бы поговорить с вами наедине, леди Рейн.

— Д-да... да, конечно!

— Тогда пройдемся, — ослепительно улыбнулась женщина. — У вас чудесная погода. Милый город. Вы ведь отсюда?

— Да, я... то есть я не знаю, где родилась, я сирота. Но воспитывалась я здесь.

— Сожалею, что вам пришлось через это пройти.

Мы неспешно двинулись вдоль аллеи старых домов, по чуть припорошенной снегом брусчатке. Магистр ступала уверенно, я — слегка испуганно семенила рядом, больше всего на свете боясь опозориться, поскользнувшись. Интуитивно я чувствовала, что этот разговор — едва ли не самый важный в моей жизни.

— Скажите, Коралина, вы слышали что-нибудь о Высшей Школе темных?

Я замялась. Какой ответ правильный? Скажу «не слышала» — сочтет необразованной, скажу «слышала», вдруг спросит, что именно?

— Мы проходили по истории. Я знаю, что раньше была такая школа, но...

Она кивнула.

— Да, много лет назад ее закрыли. Школа Бури — более совершенная и безопасная версия школы для сильных магов, но то, о чем я говорю, не имеет отношения к Штормхольдской Школе темных. Я представляю частный колледж, владелец которого отдает дань истории и... скажем так, выбранной идеологии. Поэтому Высшая Школа темных — всего лишь название, хотя школа и принадлежит темному магу. Мы хотели бы предложить вам место в ней.

— Место? — Я нахмурилась. — В частной школе? Я не смогу оплатить учебу.

— О, не беспокойтесь, вы получите грант от ее величества, королевы Брины. Она спонсирует адептов, которых мы готовы принять. Школа расположена в Штормхолде, но мы ищем адептов по всему миру.

Мне стоило вцепиться в магистра Браунвинг мертвой хваткой и не выпускать, пока я не окажусь в школе, но я продолжала задавать вопросы:

— Но почему я? У меня очень слабая магия. Можно сказать, ее почти нет. Меня не приняли ни в одну школу.

— Мы знаем, леди Рейн. Это своего рода благотворительный проект. Не секрет, что таким, как вы, очень сложно в современном мире. Маги — хозяйева жизни, а те, кого боги обделили талантом, вынуждены быть их слугами. Однако есть методики, способные изменить ситуацию в лучшую сторону. Мы не обещаем, что в Школе темных вам подарят уникальную силу, однако мы сделаем все, чтобы благодаря ее диплому вы обеспечили себе достойную жизнь. Что скажете, Коралина?

Я закусила губу. Даже в самой смелой фантазии я не могла представить, что за мной и впрямь кто-то придет. Пусть это не королева Брига и не моя потерянная мать, но, может, магистр школы магии — это в разы лучше? Чем мечтать о свалившемся с неба наследстве, не лучше ли желать заработать все самостоятельно?

— Вы всегда сможете передумать и уехать. Никакого контракта у вас нет, это чистая благотворительность королевы.

— Я... это очень неожиданно.

— Мне нужно получить ответ завтра к утру, — мягко, но настойчиво произнесла Риана. — К сожалению, очень плотное расписание. Пожалуйста, дайте мне знать о решении, даже если оно будет отрицательным. Вот адрес гостиницы, где я остановилась...

— Стойте! — выпалила я и так жадно глотнула воздух, что горло обожгло морозом. — Я согласна! Я хочу у вас учиться! Огромное вам спасибо, магистр Браунвинг!

Женщина просияла и убрала в сумочку записную книжку.

— Это чудесная новость! Как я уже говорила, у меня плотный график, поэтому я рассчитываю, что вы отправитесь в школу завтра, адептка Рейн.

Я едва не подпрыгнула, услышав, как она меня назвала. Это реальность? Я буду учиться?

— Так скоро?

— Это проблема?

— Нет! Нет, я буду готова.

— Тогда я заеду за вами в девять. Вопрос с руководством приюта решит мой помощник сегодня вечером. Будет нужно заехать во Фригхейм, купить принадлежности. К сожалению, сделать это во время обучения не получится. Поэтому стоит поторопиться. Буду надеяться, у нас вам понравится, адептка Рейн.

Магистр ободряюще похлопала меня по плечу. Ее широкая улыбка вдруг стала казаться наигранной, но я быстро себя одернула. Это же ее работа!

Она не обязана совершенно искренне радоваться, что у какой-то нищей сиротки появилась крыша над головой. И, возможно, появится образование.

— Лорд Даркхолд будет рад видеть вас в нашей школе, Коралина.

Лорд Даркхолд... интересно, кто это такой?

* * *

— Ну?! Что она хотела?

Диана, едва я вошла в комнату, засыпала меня вопросами. Я и сама до конца не осознавала произошедшее, но руки тряслись то ли от страха, то ли от радости.

— Предложила стипендию. В частной школе.

— В частной школе? Стипендию? А ты подавала документы?

— Нет, это какой-то грант от королевы. Они сами ищут тех, кто им подходит, а ее величество оплачивает учебу.

— А как же магия? У тебя же почти нет магии.

Я начала раздражаться. Диане совершенно незачем напоминать, что я почти бездарна. Сомнение в ее голосе рождало сомнения и в моей душе. Но сколько бы раз тебе ни вбивали в голову поговорку о бесплатном сыре, сколько бы раз ни учили не доверять свалившимся вдруг с неба благам, невозможно отказаться от того, что так долго хотел.

— Они считают, что смогут с этим что-то сделать, — буркнула я.

Но Диана не унималась:

— Странно все это. Откуда частная школа узнала о тебе? Почему королева оплачивает именно твое обучение? Что за школа и чему там учат? И почему вообще эта магистерша подловила тебя на улице? Такие вопросы решаются в кабинете у директора Фог.

— Они и решатся сегодня вечером. Они хотели заручиться моим согласием.

— Ну-ну, — хмыкнула Диана.

Я стиснула зубы и сделала вид, будто увлечена сбором оставшихся вещей. Вопросы, озвученные Дианой, и так крутились в голове. К каждому я могла придумать логичный и правдоподобный ответ, но именно это и пугало.

Частная школа могла узнать обо мне после инициации, они наверняка ведут учет магов, прошедших ри-

туал. Королева оплачивает не конкретно мое обучение, а выделяет средства школам — и они сами решают, каких подданных Фригхейма позвать. А вот что за школа... Да какая разница, если она даст профессию? Может, не мага, но историка или зельевара — с высшим образованием мне открыто больше дорог, чем с приютской школой в числе заслуг.

Кажется, я крепко задела Диану своим молчанием: она не разговаривала со мной до самого вечера, пока мы не спустились на ужин. А после помощник директора выловил меня в коридоре и сказал:

— Тебя ждет директор Фог на разговор. Сказала: срочно!

С колотящимся сердцем я побежала наверх, на административный этаж, в кабинет директора.

Госпожа Фог возглавляла приют столько, сколько я себя помню. Она имела репутацию суровой женщины, скорой на расправу, но именно благодаря ей у нас получалось поддерживать строгую дисциплину. Я слышала о том, что происходит в других приютах, и воспринимала строгость директрисы как неизбежное зло. Хотя и мне пару раз крепко попадало.

— Коралин, — кивнула она, — садись.

Она всегда называла меня «Коралин» на штормхольдский манер. На севере именам всегда добавляли гласные, а вот в Штормхолде это считалось немодным.

— Со мной связались представители магистра Рианы Браунвинг, заместителя директора частной школы в Штормхолде. Они утверждают, что ты получила грант в их школе и завтра отправляешься учиться.

— Да, магистр Браунвинг сегодня говорила со мной. Я дала согласие у них учиться. Меня ведь все равно

не приняли в другие школы. Сегодня пришел отказ из Школы Бури. Я подумала, что ничего не теряю и отказываться от гранта глупо.

Я закусил губу и затаила дыхание. Кажется, какая-то часть меня хотела, чтобы госпожа Фог принялась меня отговаривать. Хотела по двум причинам: я все же сомневалась в принятом решении, а еще... еще мне было бы приятно покинуть место, где обо мне заботились. Пусть порой воспитатели были строги, пусть порой жизнь здесь казалась невыносимой, мне хотелось думать, что у них болело сердце за нас. За каждого из фригхеймских сирот.

— Как знаешь, — равнодушно отозвалась директор. — Вот, тебе нужно заполнить документы на подданство Штормхолда. Если ты хочешь там учиться, нужно отправить прошение его величеству. Вряд ли ты еще вернешься во Фригхейм.

Я послушно взяла листы, что протягивала госпожа Фог, и потянулась за пером. Отказ от подданства не вызывал никаких сожалений, только легкие угрызания совести: королева Брина оплатила мое обучение, а я добровольно присягаю на верность другому королю.

Когда с бумагами было почти покончено, я набралась смелости задать вопрос, который мучил меня все эти годы.

— Госпожа Фог, могу я кое о чем спросить? Я действительно вряд ли вернусь во Фригхейм, и мне хотелось бы знать... хоть что-нибудь о родителях. Знаю, вы не раскрываете такую информацию, но я не прошу имен или адресов, только то, живы ли они и почему меня оставили.

Директор с тяжелым вздохом отложила бумаги. Она смерила меня долгим и задумчивым взглядом; пауза затянулась так надолго, что я было подумала — не ответит.

— Ты права, Коралин. Обычно мы не даем информацию о родных. Ни одного воспитанника в приют не приводит счастливая история. За каждым из вас скрывается много трагедий. Дети оказываются в приюте по разным причинам: их бросают родители, они умирают, пропадают, теряют права на своих детей. Обычно мы знаем, какая история скрывается за появлением ребенка у нас, пусть даже в общих чертах. Но не в твоём случае, прости.

Я резко выпрямилась в кресле.

— Что это значит?

— Тебя нашли на улице. Совсем маленькой, почти новорожденной девочкой. Одна из воспитательниц когда-то служила в магическом патруле на границе. В один из рейдов после снежной бури, когда они искали пострадавших и попавших под лавины, она услышала твой плач и нашла тебя в небольшой пещере, скрытой от снега отвесной скалой. Вероятно, твоя мать пыталась спастись в ней от бури, родила тебя, а затем отправилась за помощью. Или просто ушла, думая, что ты не выживешь в любом случае. Так ты очутилась здесь. Вот и вся история, Коралин. Больше ничем не могу тебе помочь.

— Что за воспитательница? Как ее зовут?

— Вера. Ее звали Вера, она умерла спустя несколько лет после того, как принесла тебя. Она спросила, нет ли у меня работы, сказала, что устала служить в патруле и вряд ли выдержит дольше одного-двух сезонов. Се-

вер быстро изматывает. Я предложила ей должность помощницы, за несколько лет она превратилась в отличного воспитателя. Но, к сожалению, старые травмы дали о себе знать: она довольно скоро умерла, не пережив очередную зиму. Я вижу в твоих глазах вопрос, Коралин, и отвечаю: да, мне приходила в голову мысль, что Вера и есть твоя мать. Но я никогда и ни о чем ее не спрашивала. Это мое непреложное правило: я не задаю вопросов и не внушаю родителям чувство вины. Иначе в следующий раз невинное дитя действительно замерзнет насмерть лишь потому, что его матери было стыдно спасти ему жизнь. Я ответила на твой вопрос?

— Да, спасибо, госпожа Фог.

— Хорошо. — Директор внимательно посмотрела на меня поверх очков. — Знаешь, если бы ты спросила мое мнение, то я бы сказала, что лучше спокойная, пусть и небогатая, жизнь во Фригхейме, чем вечная погоня за благополучием в Штормхолде. Но ни один воспитанник, сидя в этом кресле, еще не прислушался к моим словам, поэтому я не стану тебя отговаривать. Все рвутся в Штормхолд, но он без сожалений пережевывает тех, кто слишком слаб, чтобы стать его частью.

Разве у меня был выбор? Спокойная, но бедная жизнь? У директора Фог, возможно, она была: работа, магия, дом и семья. Кажется, она слегка оторвалась от реальности, слабо представляя, что во Фригхейме ждет сироту без силы стихий. У нас даже почти нет баров и таверн, где можно работать разносчицей! Столица еще куда ни шло, но такие городки, как наш, вымирают. Даже если Штормхолд и Школа темных меня пережуют, попытаться стоит, потому что во Фригхейме я замерзну — и окружающие равнодушно скользнут по

мне взглядами, чтобы встретить очередной день и уныло ждать точно такого же следующего.

Директор поднялась, давая понять, что ее рабочий день закончен, и я направилась к выходу вместе с ней.

— Полагаю, мы больше не увидимся. Сегодня дежурит Адалин, попрощайся с ней перед отъездом. Удачи, Коралин.

— Спасибо. За все спасибо, госпожа Фог.

Приют опустел. Воспитатели разошлись по домам, воспитанники — по спальням. На город давно опустилась ночь, но какое-то время он еще сопротивлялся, рассеивая непроглядную тьму уличными фонарями и светящимися окнами, но вскоре сдался на милость ночи, угаснув до рассвета.

Большой вопрос, стоит ли называть рассветом то время, когда небо на пару тонов синее черного?

Я неспешно брела к себе, прощаясь с приютом. Даже не ожидала, что будет грустно. Не скажу, что годы здесь были счастливыми. Они были... никакими?

Серые стены, серый пол, серые занавески. Серые диванчики, серые покрывала на постелях. В приюте было не плохо и не хорошо, здесь было никак. Меня не травили, не били, но и огромным количеством друзей обзавестись не удалось. Я общалась только с Дианой, а от остальных ребят держалась на расстоянии. Некоторых я даже не знала по именам...

За исключением Свана.

Воистину боги этого мира несправедливы в том, что мы с ним носим одну фамилию.

И в том, что именно его я увидела, войдя в комнату. Сван стоял возле окна, старательно изображая утомленного жизненным опытом мужчину. Он задумчиво смо-

трел на темную улицу и будто не сразу меня заметил. Никакого желания общаться с ним не было. Я дернулась было, но несколько его дружков тут же заперли дверь, и бежать стало некуда.

— Я тебе чем-то могу помочь? — стараясь не показать дрожи в голосе, произнесла я.

— Да. Можешь, Кора. Слышал, ты завтра уезжаешь.

Он неспешно прошелся туда-сюда по комнате. Изображать аристократа у него получалось так себе, но что-то в поведении Свана настораживало. Откуда это такая уверенность в себе? Не секрет, что он и его подонки не гнушались наводить в приюте свои порядки, но все же их сдерживали воспитатели и охрана. На открытый конфликт Сван никогда не шел и меня не трогал. Так что изменилось?

Словно прочитав мои мысли, он поспешил пояснить:

— Ты завтра уедешь, я — тоже. Решил, что это отличный повод напоследок повеселиться.

— Мечтай. Вон из моей комнаты! Где Диана?

— Гуляет, — отмахнулся Сван. — Видишь ли, Кора, я не даю тебе выбор. Я хочу провести эту ночь с девушкой. А хочет ли она — ее проблемы. Можешь расслабиться и получить удовольствие, а можешь сопротивляться и доставить удовольствие мне. Не волнуйся, наша тетушка Адалин спит крепким колдовским сном и ничегошеньки не узнает.

Я стиснула зубы, почувствовав, как сердце зашло в истерику от страха. Сван демонстративно поиграл пламенем на кончиках пальцев. Его единственного из выпуска приняли в Школу Бури. Хотя будь моя воля — я бы навечно закрыла в городской тюрьме. Я ведь навер-

няка не первая девушка, с которой ему захотелось по-развлечься.

— Тронешь меня — сядешь. И накроется высшее образование.

— Да, как и твое, — усмехнулся Сван. — Придется потратить кучу времени на суды и все такое. Останешься в Рейнгарде навечно. Вспоминая свою единственную ночь с настоящим мужчиной.

— А когда он придет?

Глаза Свана сверкнули яростью. Я едва успела увернуться от стутка пламени. Он все же опалил кожу на руке. Вскрикнув от боли, я налетела на кровать Дианы.

— Вот молодец, — раздался довольный голос Свана, — сама все понимаешь, Кора.

«Ненавижу, когда меня так называют!» — пронеслось в голове.

Тетя Адалин всегда учила, что в жизни ничего не происходит просто так. Каждое событие рождает ответную волну, каждая боль дана богами, чтобы стать сильнее. И люди не приходят в нашу жизнь без причины.

Но Сван, вдруг превратившийся в ночной кошмар, свалился на меня из ниоткуда! За нами не стояла история ненависти, мы никогда не пересекались и не общались, я не провоцировала его и не оскорбляла. Он просто придумал способ развлечься без последствий — вот и все, чем я заслужила последнюю ночь в приюте.

На меня навалилась шумно дышащая туша. Кровать была слишком узкая, чтобы Сван разместился с комфортом. Мне удалось перевернуться вместе с ним. Мы шибли тумбочку, рассыпав по полу книги, баночки с воском и огарки свечей. Я била на ощупь и наугад, попе-

ременно попадая то по парню, то по деревянному основанию кровати.

— Да помогите мне! — рявкнул Сван. — Держите ее!

Показалось, он уже передумал, поняв, что легкой победы не будет, но теперь сдаться было равносильно выстрелить себе в ногу. Его дружки поспешили ко мне, и непроизвольно из глаз хлынули слезы. В последний момент я нащупала стеклянную баночку, в которой Диана хранила воск, и в отчаянной попытке хоть как-то защититься ударила ею о кровать.

В руке остался острый осколок, которым я тут же полоснула, не глядя, куда дотянулась.

Сван взвыл и отшатнулся. На его щеке наливалась кровью глубокая царапина. Его приятели замерли в нерешительности, а я вскочила и выставила вперед руку с осколком.

— Сука! Сделайте что-нибудь! — заорал Сван.

Я сплюнула на пол, откинула с лица волосы и рыкнула одному из парней:

— Только подойди! Полосну по горлу и свалю все на него! Завтра же уеду, а вас заруют, как собак, без памятника и надгробия!

Прозвучало убедительно, во всяком случае для тех, кто не собирался умирать ради забавы Свана.

— Отопри дверь! Быстро!

Его дружок отшатнулся, когда я пригрозила осколком, и послушно провернул стаченный где-то ключ.

— Давай, Кора, беги, — сказал Сван, — думаешь, я тебя не найду? У нас впереди целая ночь. Хочешь поиграть — давай поиграем.

— Эй, приятель, — попытался было осадить его друг, — давай полегче.

— Заткнись! Обойди ее и скрути!

— Сам скрути! Что-то ты не больно рвешься к вооруженной бабе. Мы договаривались, что повеселимся, а не рискуем жизнью ради шлюхи. Я не собираюсь умирать за тебя, ясно?!

— А сесть за меня хочешь? — бросил в ответ Сван. — Если она сбежит, то всем расскажет. Или мы ее заткнем, или...

Сван словно обезумел.

Пепельно-белые волосы будущего огневика растрепались, кровь запачкала светлую рубашку, а в глазах горела ненависть — такая сильная, что обжигала, будто подпитанная магией. На запястье Свана не было крупиц, но не зря его приняли в Школу Бури, даже спонтанная магия впечатляла своей разрушительностью.

— Не глупи, — я покачала головой, — ты зашел слишком далеко.

Я дернулась к выходу, но пламя встало на моем пути стеной, опалив жаром. Инстинктивно я закрыла лицо рукой, и Сван снова пошел в атаку. Моей силы не хватало против взрослого и куда как более опытного в драках парня. В один момент он с такой силой сжал мое запястье, что осколок выскользнул из руки и укатился куда-то под кровать. Но в следующий момент я извернулась и двинула подонку в нос, на миг лишив ориентации в пространстве.

Выход в коридор был отрезан огнем, дружки Свана — заняты спасением собственных шкур, сам псих пытался остановить реку крови из носа, и я поняла, что выбора нет. Распахнув шкаф, я схватила первую попавшуюся куртку, непослушными пальцами дернула замок на окне и вскочила на подоконник.

Морозный воздух ударил в лицо. Зажмурившись, я сделала шаг, понимая, что если не получится сгруппироваться, то риск сломать себе что-нибудь и замерзнуть насмерть — вовсе не иллюзорный.

Сугроб смягчил приземление, но из легких будто выбили весь воздух. Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Из открытого окна валил дым и раздавались дикие крики.

— Помогите! — закричала я.

Кинулась к окнам, беспорядочно лупя там, куда удавалось дотянуться.

— Пожар! Пожар! Помогите! Кто-нибудь!

Наконец сработало: в некоторых окнах загорелся свет.

— ПОЖАР! В девятой комнате люди!

На этаже выпускников почти никого не было. Какова вероятность, что Свана и остальных спасут, если тетю Адалин опоили зельем?

— Да будь ты проклят, Сван Рейн! — зарычала я и припустила к воротам, на ходу натягивая куртку.

Ресницы покрылись инеем, меня била дрожь. От приюта до станции — единственного места, откуда могли бы прислать помощь, — было недалеко, но дорога показалось мне вечной. Несколько раз я едва не упала, поскользнувшись на припорошенной снегом ледяной дорожке.

На станцию я влетела словно безумная.

— Помогите! В приюте пожар! Там кто-то остался в комнате! — задыхаясь, проговорила я.

Несколько дежурных магов немедленно вскочили со своих мест — им не нужно было уточнять адрес.

— Пострадавшие есть?

— Не знаю, — выдохнула я. — Маг огня случайно поджег спальню. Я слышала крики из нее.

— Лекаря! — крикнул дежурный маг. — В приют! Быстро!

Оставшаяся на станции девушка шустро запахла теплой шубу и унеслась следом за магами, будить единственного лекаря Рейнгарда, что состоял на государственной службе.

Станция опустела. Я медленно побрела к выходу, чувствуя, как страх и злость сменяются опустошением и жалостью к себе. Сван и сегодняшний вечер отлично характеризуют то, как не права тетя Адалин. Нет никакого смысла. Нет никаких мотивов, причин, связей. Просто кто-то решает, что ты — отличная жертва, и вот прощание с детством сменяется борьбой за жизнь. И нет никакой предыстории. Окажись я чуть менее удачлива, Сван бы получил все, что хотел.

Мы почти не разговаривали до сегодняшнего вечера. Когда тетя Адалин сказала, что Свана приняли в Школу Бури, туда написала и я — потому что позавидовала, решила, что раз он получил место, то вдруг смогу и я? Еще одна высшая несправедливость: даже после сегодняшнего он все-таки поедет туда учиться. А я понятия не имею, что меня ждет.

Если Сван выживет, конечно.

Я добрела до лавочки в сквере рядом со станцией и без сил опустила на нее. Следовало вернуться, нельзя оставаться ночью так долго на улице. Но если Сван выжил, он свалит все на меня. А если нет... С губ сорвался жалобный всхлип.

За несколько минут жизнь перевернулась просто по чьей-то прихоти.

— Плакать на морозе — плохая идея.

Я вздрогнула, услышав мужской голос. Когда подняла голову, в тусклом свете двух лун увидела мужчину. Явно нездешнего, одетого слишком легко и слишком... дорого. Он словно не замечал царящий вокруг снежный хаос, не кутался в пальто и не прятал иссиня-черные волосы в меховой капюшон.

После пережитого беседа с незнакомцем, невесть откуда взявшемся посреди северного города, погруженно в ночь, — последнее, чего мне хотелось.

Но почему-то я не ушла. Он сел рядом, задумчиво уставился в небо, и несколько минут мы так сидели, думая каждый о своем. Инстинкты кричали бежать, а что-то другое — быть может, любопытство — умоляло посидеть еще немного. Бежать мне было некуда, сидеть — холодно. Но я, как прикованная, не двигалась и даже дышала через раз. А еще украдкой косилась на руку незнакомца, высматривая браслет.

Темный.

Откуда в Рейнгарде темный маг? И что он забыл в пустом сквере, занесенном снегом?

Его мучили примерно такие же вопросы.

— Кажется, твоя обувь не очень подходит здешнему климату.

Я посмотрела на ноги и поняла, что о сапогах даже не подумала, выскочив в ученических туфлях. Только сейчас почувствовала, как дико замерзли ноги. И как бессмысленно было подтягивать их к груди. Снег забился внутрь и растаял, пальцы ломило. Утихнувший было страх всколыхнулся с новой силой: если я отморожу ноги, об учебе и Штормхолде можно забыть. Это

ведь не уникальная история: сбежавшая сиротка, одной глупой истерикой перечеркнувшая здоровье.

Мужчина снял с браслета одну из крупниц магии, растер в ладони и не касаясь провел рукой над моими ногами. Тут же стало тепло и спокойно, совсем не так, как бывает, когда с дикого мороза заходишь в дом. Без боли и противного покалывания.

— Спасибо, — пробормотала я, чувствуя предательский комок в горле.

— Так что ребенок делает один, ночью, на севере, почти раздетый?

— Я не ребенок, мне восемнадцать, — зачем-то возразила я.

Незнакомец хмыкнул.

— Боюсь, здесь роль играет не твой возраст, а мой. Проблемы в семье?

— Я из приюта. Там был пожар, я побежала звать на помощь.

— И чего не возвращаешься?

Пожав плечами, я снова уставилась на луны. Теперь, когда стало тепло, возвращаться не хотелось еще сильнее. Но действие магии скоро пройдет, и вряд ли мужчина поделится еще крупницей, они ведь стоят денег.

Боги, Коралина, что ты творишь? Вставай и беги от него! Неужели все страшные истории, рассказанные воспитателями, ты пропустила мимо ушей? Темные маги, похищающие сирот, которых никто не хватится, для кровавых ритуалов — классика страшилок!

Но я почему-то продолжала с ним говорить.

— Пожар случился по твоей вине, так?

— Скорее из-за меня.

— А ты неразговорчивая. Но вернуться ведь придется, так?

— Нет. Завтра я уезжаю в школу в Штормхолде. Нужно дождаться утра. Я пойду на станцию, а потом улечу.

А на станции вернувшиеся с пожара маги отправят меня обратно. Вряд ли Сван решится что-то мне сделать снова, если он вообще жив, но вопросов будет много. А если дойдет до директора, мэра... мне могут не разрешить уехать до окончания разбирательств.

Но всего этого я не сказала мужчине, только вздохнула.

— Поступила в штормхольдскую школу? Молодец. В какую?

— В Школу темных.

Он будто удивился, во всяком случае, слегка поперхнулся, нахмурился и потряс головой.

— Не слышал о такой.

— Частная школа. Я мало о ней знаю. Королева Бри-на помогла со стипендией, и они выбрали меня. Другие школы не приняли, сегодня пришло последнее письмо с отказом. У меня почти нет магии, только светлая слабо отозвалась на инициации, но Совет сказал, что ее недостаточно для обучения.

Меня как прорвало. Я рассказывала, как с треском провалилась на инициации, как один за другим получала отказы, как завидовала сверстникам, получившим приглашения. Как не спала ночами, пытаюсь придумать хоть какой-то выход. Как ужасно устала мечтать даже не о богатстве — просто о стабильности, покое, достатке. И как ухватилась за подвернувшийся шанс, наплевав на все.

Мне хотелось выговориться, потому что с единственной подружкой мы редко болтали по душам. Диана проще относилась к жизни, и боги отвечали ей тем же, наделив хоть каким-то даром.

— Думаешь, в Штормхолде будет лучше?

— Я должна попытаться. Если останусь в Рейнгарде и буду работать... не знаю, сиделкой или служанкой, лучше точно не будет. Истории, когда героини упорно работают, преодолевая и превозмогая, и трудом получают все, о чем мечтают, хороши для книг. В жизни все иначе.

— А вдруг бывает? Я знал историю о том, как девушка упорно работала служанкой и никогда не сдавалась. У нее все хорошо.

— Она заработала все своим трудом, поднявшись от служанки до богатой леди при помощи своего упорства?

— Да нет, однажды просто объявился богатый дядюшка.

— Ну вот. У меня нет богатых дядюшек.

— Но пример хороший. Когда капитально не везет, помни: где-то для тебя припасен большущий пряник.

Я улыбнулась. Незнакомец мне нравился, от него исходило спокойствие и уверенность. Возможно, это была какая-то магия, но даже осознавая, как сильно рискую, болтая с ним, я не могла заставить себя встать и уйти.

— Ты голодная?

Я неопределенно пожала плечами, хотя продала бы душу даже за чашку чая. Минус жизни на севере: досыта и вкусно в приюте кормили лишь перед очередной поставкой продуктов, в остальное время их экономили на случай, если вдруг заметет дороги и экипажи с припасами на недели застрянут в снежном плену.

— Замерзла. И явно собираешься просидеть здесь, пока не рассветет. Идем, отсидишься до утра у меня.

Я нервно рассмеялась.

— Нет уж. Вы — интересный собеседник, но я никуда с вами не пойду.

— Не доверяешь, значит.

— Простите.

— Лучше умереть на улице, чем отправиться с незнакомцем в его дом?

— Я не собираюсь умирать.

— Это пока действие моей магии не закончилось.

— Я вернусь в приют.

— Тогда идем, я тебя провожу, ночью опасно.

Он загнал меня в ловушку. Насупившись, я умолкла. К моему удивлению, мужчина негромко рассмеялся.

— Так я и думал. В приют ты не хочешь, на станцию тоже не пойдешь, на лавочке замерзнешь. Ко мне идти боишься, а гостиниц, таверн и прочих заведений, открытых ночью, в Рейнгарде нет. Какая интересная задачка. Как тебя зовут?

— Коралина.

— Я приехал по делам, снимаю дом здесь, недалеко. Увидел тебя из окна, подумал, что помощь не помешает. Не слишком убедительно, но я не убийца и не насильник. Просто хочу помочь. Не бойся, я тебя не обижу. Но тебе ведь нужно где-то ночевать. Ты замерзнешь на смерть, если останешься на улице.

— Продержусь как-нибудь.

— Я бы на твоём месте не рисковал. До школы ты не доедешь.

— Только полная дура отправится ночевать к незнакомому мужчине.

Но я сказала это уже не так уверенно, почти готовая сдать. Он пожал плечами и улыбнулся:

— Считай, что я профессионально спасаю сироток.

— И что же они делают для вас взамен?

— Спасают мир.

— Неубедительно звучит.

Мы замолчали. Мужчина невозмутимо рассматривал то небо, то сквер, рисовал носком ботинка узоры на свежем снегу. Я с замиранием сердца ждала, когда магия закончится и снова станет адски холодно. Разум боролся с чувствами. Мне следовало вернуться в приют. Даже если Сван отделался легким испугом и не свалил пожар на меня, если меня не найдут, возникнут вопросы. Но возвращаться было страшно. Так страшно, что даже отправиться в дом незнакомого мужчины кажется не такой уж глупой идеей.

— И что, вы так и будете сидеть?

— Да, — невозмутимо ответил он. — Ты либо пойдешь домой и я тебя провожу, потому что идти в такой обуви по сугробам — верный признак остаться без пальцев, либо ты останешься здесь, отключишься от холода и я отнесу тебя к себе.

Меня вдруг посетила еще одна идея:

— А мы не можем побыть здесь до утра?

— Нет. Мне, вообще-то, тоже холодно. И я могу заморозить что-нибудь ценное.

— А с виду и не скажешь.

— То, что я не реагирую на холод, не значит, что я его не чувствую.

Он поднялся и протянул мне руку. На указательном пальце блеснуло явно дорогое и, похоже, старинное кольцо с камнем, которого я никогда прежде не ви-

дела: черным, с вкраплениями переливающихся всеми цветами частиц.

— Идем, ты уже сделала выбор, но боишься признаться.

На этом могла бы и закончиться моя история. Одинокая сбежавшая из приюта сирота отправляется в дом незнакомца — и бесследно исчезает. Я брела в чужой дом в странном состоянии отупения. Как будто из головы вытрясли все мысли, все вопросы. Оставили только тупую боль и усталость.

— Как вас зовут? — спросила я, когда мы уже подходили к симпатичному домику на одной из улиц возле сквера.

В этом он не солгал, уже неплохо.

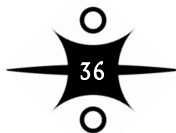
— Кейман, — ответил мужчина. — Можешь звать меня Кейман.

Дом встретил теплом и темнотой. Сняв куртку, я осторожно прошла внутрь, ежась от жутковатого впечатления, произведенного жилищем. Но вспыхнул свет — и вся жуть прошла. Обычный дом, в меру уютный, небогатый, но со всем необходимым для жизни.

— Идем, покажу ванную, — сказал Кейман. — Только не лезь в горячую воду, ты слишком замерзла. Умойся и приходи на кухню, я поищу еду. В доме одна спальня, займешь ее, постелишь себе сама.

Спальня — единственное место, где хоть что-то напоминало о жилье. Пока Кейман доставал чистый комплект постельного белья и набирал мне теплую ванну, я рассматривала обстановку.

На стуле — небрежно брошенная рубашка. В приоткрытом шкафу виднелись несколько костюмов и небольшая кожаная сумка. Он путешествовал налегке. Пара

книг на столике у окна, язык оказался мне не знаком. Бавигор? Джакней? Интересно, кто он — темный маг Кейман?

— Готово. Положил тебе чистую рубашку, чтобы ты переоделась.

— Спасибо, — слабо улыбнулась я.

И неловко пошутила, все еще чувствуя, что совершила непоправимую ошибку:

— Надеюсь, в ванне я не отключусь, чтобы потом проснуться в подвале.

На что Кейман совершенно серьезно ответил:

— Да, я тоже на это очень рассчитываю. Понятия не имею, где ключ от подвала. Будут проблемы с хозяином.

Он заметил, как я поежилась, и закатил глаза.

— Не бойся. Я все еще не собираюсь покушаться на твою жизнь и честь.

— Тогда зачем помогаете?

— Да боги меня знают, иногда в голову приходят всякие странные идеи. О доброте и все такое. Ты не обращай внимания, лекарство выпью — и отпустит. Хватит дрожать и смотреть на меня огромными глазами. Умывайся и приходи есть.

— Спасибо! — еще раз, уже в спину Кейману, крикнула я.

Пожалуй, сейчас тот момент, когда за подозрительность может стать стыдно. Убийца ведь не будет битый час убеждать жертву, что ей ничего не грозит, в то время как она уже оказалась в доме?

Но даже если теплая ванна, свежая, хрустящая от чистоты рубашка и аппетитные запахи с кухни были изощренным способом убийства, то я поняла, что ничего

не имею против. Хотя стоило быть честной самой с собой: убийство — не самый распространенный вариант.

Я живу не в мире розовых лошадок. Несмотря на железную руку госпожи Фог, которая так или иначе подерживала в приюте порядок, было бы ошибкой считать его исключительно светлым и чистым местом. Как правило, многие рисуют себе в воображении нас, сирот, как симпатичных мальчиков и девочек с большими наивными глазами, в которых читаются мечты о маме, папе и дружной семье, но нет. Младшие, возможно, производят подобное впечатление, но романтическую дурь из них быстро выбивают.

Старшие давно поняли, что в этой жизни им никто не поможет, и любыми способами хотят жить лучше. Мелкое мошенничество, воровство, торговля запрещенкой... Единственная причина, по которой в Рейнгарде не было совсем уж откровенных разбоев и других мерзостей, — жестокие наказания Фригхейма.

Я проверила защелку на двери, быстро разделась и с наслаждением погрузилась в теплую воду. Очень хотелось сделать погорячее, но никакому фригхеймцу и в голову не придет с мороза прыгать в горячую воду — это может очень дорого обойтись.

С девушками дела обстояли проще. Они выбирали мужчин побогаче, в основном магов, заводили знакомство, проводили с ними время и получали взамен ухаживания и подарки. В основном старались выбирать приезжих, но в Рейнгарде их было не так много. В целом ситуация, когда мужчина приводит в дом воспитанницу приюта, довольно типичная. Главное — убедиться, что она совершеннолетняя, и это тоже следствие законов ярла.

Почему же среди всех этих беспринципных бойких девиц затесалась Коралина в белом пальто?

Диана часто шутила, что снежный феникс нес меня во Фригхейм, в королевскую семью, но случайно выронил по дороге, когда от мороза свело лапы. Пересилить себя и принять, что иначе как через постель получить блага просто невозможно, так и не вышло. Природная брезгливость чаще мешала, чем спасала от неприятностей, но именно благодаря ей я дожидка до выпуска из приюта, ни разу не побывав ни в чьей постели.

Я могла поставить свой билет в Школу темных на то, что после ужина Кейман потребует близость. Но малодушно решила, что на насильника и подонка он не похож, а если дело примет такой оборот, вернуться на улицу я всегда успею. Рейнгард — небогатый город, но даже у нас не отдаются за ванну и чаек.

На всякий случай я не стала мочить волосы, заплела их в тугую косу и, надев рубашку, осторожно сунула нос на кухню. Кейман стоял у плиты, флегматично помешивая что-то в небольшом котелке и не забывая бросать на плиту огненные крупы, чтобы поддерживать температуру. Вокруг стоял умопомрачительный аромат мяса.

— Согрелась? — не оборачиваясь, спросил он. — Садись. Будем ужинать. Ты ешь картошку?

— Никогда не пробовала, — призналась я.

— Серьезно? А я люблю. Особенно печеную.

— У нас часто бывают перебои с поставками. В приют закупают то, что может долго храниться даже в лютой мороз.

— А картошка не может?

— Не знаю, — честно призналась я.

Сначала небольшие золотистые дольки показались мне подозрительными, но я так хотела есть, что было не до капризов и сомнений. К картошке прилагались тушеное мясо и светлый, какой-то сливочный, соус. Молоко у нас было, но его не разменивали на соусы, выдавая по стакану на ночь.

Как же это вкусно!

Все силы уходили на то, чтобы есть спокойно, как учила тетя Адалин. Нельзя же загребать еду руками, как будто я не воспитывалась в приличном заведении, а жила на помойке. Хотя очень хотелось как можно скорее расправиться с порцией, будто ее кто-то грозился отобрать.

Хрустящая корочка, горячее рассыпчатое нутро и холодный пресный соус — я влюбилась в этот ужин. Даже спустя много лет, я уверена, буду вспоминать морозную ночь, последнюю в Рейнгарде, загадочного незнакомца в сквере и этот вкус.

— Не хочешь рассказать, почему начался пожар? Сначала я решил, что проснулась твоя магия. Но раз инициация ее не показала, утоли мое любопытство.

С набитым ртом было трудно говорить, но Кейман любезно подождал, пока я более-менее наемся. Пришлось кратко рассказать о Сване. Мне почему-то стало дико стыдно, будто я чем-то его спровоцировала или была виновата в случившемся. И я старательно избегала смотреть на Кеймана, внимательно изучая узор на тарелке.

— Не хочешь заявить страже?

Я покачала головой.

— Хочу уехать. Завтра окажусь в Штормхолде, и мы больше никогда не встретимся. Разбирательство заты-

нется, я не успею в школу. Это единственный шанс отсюда сбежать.

— Хочешь еще?

Я бы с удовольствием съела весь котелок картошки, но поняла, что в этом случае лопну. Да и не хотелось выглядеть обжорой. Чужая жалость — еще одно не самое приятное чувство. Я покачала головой и пробормотала что-то, напоминающее благодарность, а Кейман заварил чай и, к моему удивлению, достал откуда-то из холодного шкафа пирожные.

— Ого, — не удержалась я. — Кто вы такой? И какие дела привели богатого мага в нашу дыру?

— Так, кое-какая встреча с одним важным человеком.

Я прищурилась.

— С королевой?

Кейман рассмеялся.

— Ты неглупая, Коралина. Да, Рейнгард — единственное место, где мы с королевской четой могли пересечься. Только я встречался с ее супругом, ярлом. Ну а кто я такой и откуда деньги... Темные маги хорошо зарабатывают. Ну как? Ответил?

— Да, только я все равно не понимаю, зачем вам мне помогать.

— Никогда и никто не помогал безвозмездно? Непривычно?

— Очень. Все время жду подвоха.

— Может, это и не самое плохое качество. — Кейман откинулся на стуле. — Но тогда возникает другой вопрос. Почему ты так легко согласилась на никому не известную частную школу?

Я замерла. Он загнал меня в угол. Причем прекрасно это понимал и улыбался — мне показалось, слегка самодовольно.

— По той же причине, по которой пошла с вами. Выбора не было. Или рисковать, или сдаваться. А сдавшихся боги не любят.

— Это точно. Ну а что за школа? Тебе рассказали о ней что-нибудь?

— В общих чертах. Частная школа, в которой есть программа для таких, как я. Они сотрудничают с королевой, она выделяет средства на стипендии.

— А профиль?

Я пожалала плечами, снова почему-то ощущая стыд. Не знаю ровным счетом ничего о школе, где собираюсь учиться, сбегая в неизвестность, ночую у незнакомого мужчины, ем уже второе пирожное, и пора бы перестать вести себя как дикая девица.

Я вдруг вспомнила еще одну подробность, озвученную магистром Браунвинг, и сказала:

— Кажется, школа принадлежит темному магу Даркхолду.

Кейман замер и с недоверием на меня посмотрел.

— Кому, прости?

— Даркхолду. Так сказала магистр, которая предложила мне стипендию. Сказала, что лорд Даркхолд будет рад меня видеть. А что? Вы его знаете?

— Когда-то знал человека с похожим именем, — глухо отозвался Кейман.

— Директор Школы темных — ваш знакомый?

Он медленно покачал головой. Взгляд Кеймана изменился: он словно смотрел сквозь меня, и, кажется, пол-

ностью погрузился в собственные мысли. Прошла долгая минута, прежде чем он ответил:

— Нет. Тот Даркхолд, которого я знал, давно мертв.

— Может, родственник. — Я пожалала плечами.

— Да. Может быть. Или псевдоним. В Штормхолде запрещены имена, оканчивающиеся на «холд», — это окончание королевских имен. Сейчас на троне король Архолд, а до него был — Сайхолд.

— Ого. Я не знала.

Как много мне предстоит изучить! Мы проходились по истории Штормхолда очень поверхностно, буквально за несколько месяцев. И уж точно не учили имена королей.

Кейман поднялся, когда я допила чай.

— Что ж, если не хочешь опоздать в свою школу — пора спать, Коралина. Если что-то понадобится — я буду в гостиной. Вряд ли у меня получится сегодня уснуть.

* * *

В кабинете директора Высшей Школы Бури Деллин ди Файр единственным источником света была луна-спутник, и это нервировало.

У нее не было названия, истории, однажды она появилась словно из ниоткуда, вдруг осветив облачную ночь. Штормхолд знал: такие явления не сулят ничего хорошего. Небольшая, но яркая луна, стала предвестником перемен.

Раздался стук в дверь, и Деллин вздрогнула. В такой час никто в здравом уме не станет ломиться к директору. Разве что кто-то умер.

— Вот черт, надеюсь, никто не умер, — пробормотала она. — Войдите.

Деллин выдохнула, когда в слабом свете рассмотрела профиль мужчины.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, ты улетел.

— Ностальгировал. Заигрался с детьми в захват флага.

— О боги, моим адептам понадобится психолог: их обыграл король! Жаль, что в нашем мире психологов не придумали.

Его величество вошел, и — Деллин могла поклясться крыльями — на его лице было все, что угодно, кроме победного торжества.

— Арен, ты что, продул первокурсникам?

— Что сказать? — Он развел руками. — Я уже немолод. Налей кофе?

— Налей сам, он свежий.

— Никакого почтения к правителю.

Деллин хмыкнула, хлопнула в ладоши — и кабинет наполнился мягким теплым светом. Тревожность никуда не исчезла, но чуть ослабла.

— Как Элай? Освоился?

— Обиделся. Сказал, что я его позорю, ведь никого из его однокурсников не провожают в школу родители.

— Зато его провожает король.

— Боюсь, он привык.

Деллин улыбнулась. Может, луна и не виновата в ее настроении. В новом учебном году в Школу Бури поступил принц. Любой директор бы нервничал. Она выпустила десятки сильных магов, одного дракона, двух отпрысков божеств и целую группу сирен, но принца все же побаивалась. Спасибо Кросту: только одно чадо королевской четы уродилось с необходимым для Школы Бури потенциалом. Трех принцев стены замка не выдержали бы.

— Элай прав, ты слишком его опекаешь. Он хороший парень, способный и общительный. Ему не нужен авторитет отца за спиной, чтобы завоевать себе место под солнцем.

— Я потерял двоих детей, — напомнил Арен. — Оставь мне право быть параноиком.

— Тогда съешь конфету и смирись. Незыблемый закон мироздания: дети косячат, мы за них волнуемся. Иногда случается справедливость, и в старости все становится наоборот.

Некоторое время они молчали. Деллин устало потерла глаза, подумав, что кофе было бы неплохо заменить на бокал вина, а стены кабинета — на беседку у моря. Или веранду домика в горах. Где тихо, спокойно и нечем заняться настолько, что уже через пару дней тянет к работе. Сейчас этого чувства очень не хватало.

— Что это у тебя? — Арен потянулся к нескольким стопкам писем.

— Запросы на зачисление. Этих взяли, этим отказали.

Первые две стопки были такими высокими, что верхние письма едва не падали, а вот третья почему-то состояла из одного письма, чем-то настолько важного, что его даже поместили красными чернилами.

— А это, я так понимаю, — сказал король, пробежавшись по тексту глазами, — та, кого ты собираешься удочерить? Или зачем ты хранишь ее письмо отдельно?

— Она единственная, кто рискнул написать мне, — ответила Деллин. — Коралина Рейн, из Фригхейма.

— И что? У нее нет магии. Крохи, за которые не возьмутся даже светлые. При чем здесь ты?

— Не знаю. Мне понравилась ее смелость. Зная, что у тебя почти нет дара, отправить запрос в самую сильную школу.

— Или глупость.

— Еще каких-то двадцать лет назад мы не знали, что делать с магами, у которых слишком много силы. Каким-то чудом мы научились справляться, обучать их, сохранять им жизни. И что? Теперь с каждым годом все больше и больше детей, у которых магии нет вообще!

— Они всегда были. Не все люди талантливы. Тот, кто лишен дара использовать магию, покупает готовую. Артефакторика и все такое — эти предметы есть и у тебя, Делл.

— Да, но люди без магии не вызывают вопросы. А такие, как Коралина Рейн, — вызывают. Она не просто смертная, она с мизерным, очень слабым потенциалом. И да, такие маги были всегда, но ты ведь получаешь отчеты Совета Магов. Их становится больше!

— Это естественный ход вещей, и только. Так было всегда. В какие-то периоды рождались сильные маги огня, в какие-то — воды. Так появились Дома Стихий. В период, когда росла ты, появились темные маги, а когда ты училась — нестабильные. Магия всегда в равновесии. Мы смогли спасти нестабильных, она ответила слабыми, на грани бездарных, светлыми, чтобы поддержать баланс силы. По-моему, тебе просто хочется видеть в этом какую-то закономерность. И хочется считать, будто происходит нечто, требующее божественного вмешательства. Просто признайся, что соскучилась по богу грозы.

— Пошли кого-нибудь проверить эту Коралину, хорошо? — Деллин сделала вид, что не слышала сказанное королем.

— Проверить?

— Просто... не знаю, как она живет, что делает и все такое. Я хочу убедиться, что мой отказ не пустил ее жизнь под откос.

— Или ты собираешься взять себе очередную подопечную и потратить на нее годовой доход мужа?

— Просто пошли кого-нибудь. Посмотреть издали, удостовериться, что на инициации ничего не напутали. И что девчонка не попала в беду, получив везде отказы. Ты не хуже меня знаешь, какими нервными бывают подростки, у тебя их трое. Сделаешь?

Король хмыкнул, одним глотком допил кофе и поднялся:

— Разве я могу тебя послушаться?

— Ты делаешь это регулярно, Арен.

— Исключительно чтобы ты не забывала, что темная, госпожа директор. Порой мне кажется, ты думаешь, что чем больше людей спасешь, тем светлее станет твоя магия.

— О да. Этому миру не помешал бы какой-нибудь светлый бог.

— Я найду Коралину Рейн, — кивнул король. — А ты взамен будешь писать мне каждую неделю сводки об Элае.

— Я попаду в ад для директоров магических школ! — крикнула Деллин ему в спину, но дверь уже закрылась.

А вот и новый учебный год.

Добро пожаловать в Высшую Школу Бури.

основном вещи не пострадали. Даже не знаю, зачем мне этот хлам: ученические туфли, несколько рубашек, черная форменная юбка. Самое ценное — это выпускная стипендия, на которую я хотела купить принадлежности для школы.

— Без пяти, — вздохнула Диана. — Тебе пора. Слушай, мы обе переезжаем в Штормхолд, так что я не стану прощаться. Закончим школы и увидимся. Погуляем по столице и обязательно накопим на билет на модный показ.

— Конечно. Прости, я не знаю точного адреса школы, но я напишу в Школу Воды, а ты сможешь ответить.

Диана быстро кивнула, подарила мне короткое объяснение и подпихнула в сторону въезда. Кажется, она, как и я, все силы тратила на то, чтобы не разреветься. Обычно сирот бесили одинаковые фамилии. Большинству из нас достались фамилии родных, подкидышей было мало. Но Коралине и Диане Рейн никогда и в голову не приходило злиться.

— Удачи, — сказала я.

— И тебе. Не знаю, каково это: жить в семье. Но жить с тобой — определенно не худший вариант.

Было бы здорово, если бы Школа темных оказалась рядом со Школой Воды. Мы смогли бы видеться на каникулах. Эта мысль слегка согрела. Куда как проще ехать в неизвестность с мыслью, что, случись что, будет с кем поговорить по душам.

Я до конца не верила в то, что все получится. Стояла на углу, высматривая экипаж, а его все не было и не было. Риана Браунвинг опаздывала, и каких только ужасов я не надумала себе за это время! А если они передумали? А если узнали о пожаре и хотят подробно-

стей? А если я что-то перепутала? Место, время? Вдруг магистр ждет меня в приюте? Тысяча «если» в голове, и все они сводятся к одному-единственному страху: я все же останусь во Фригхейме.

Наконец в конце улицы появилась фигура. Женщина в бордовом пальто неторопливо шла вдоль улицы. При ней не было ни сундука, ни сумки, за исключением небольшой поясной, и я до последнего не верила, что вижу Риану Браунвинг. Она словно вышла на утреннюю прогулку и совсем никуда не спешила. При виде меня магистр приветливо улыбнулась.

— Коралина, я думала, мы встретимся в приюте.

— Мне не спалось. Я гуляю.

— Понимаю. Волнительно, да? Новый мир, новая школа, новая жизнь.

— Очень.

Мысленно я кричала: быстрее! Уходим отсюда! С минуты на минуту может вернуться директор Фог, и разговора о моем ночном побеге не избежать.

— Могу я обращаться к тебе на «ты»? Да? Чудно. Тебе нужно что-то забрать, какие-то вещи? Документы для переезда заполнила?

— Да, все здесь. — Я отдала папку с листами, которую накануне вечером вручила директор.

Риана быстро все просмотрела и кивнула.

— Тогда не будем терять время, в десять мы должны уже быть в пути. Идем.

Мы свернули на одну из объездных улиц. Я думала, магистр направляется к одному из экипажей, но она уверенно шла вперед, минуя немногочисленные кареты у обочины, и мне стало ужасно любопытно.

— Магистр, а могу я задать вопрос?

